

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Григорий Петрович Максимов
Проблема насилия в революции
1927

Из: Голос труженика, №22, 1927

ru.anarchistlibraries.net

Проблема насилия в революции

Григорий Петрович Максимов

1927

Источник террора

Вопрос, который был подробно рассмотрен И. 3. Штейнбергом в его книге: «Нравственный лик революции», не случайно привлёк к себе огромное внимание.

Не случайно, что этот вопрос в своё время неоднократно дебатировался в среде социалистической эмиграции. Не случайно, что этот вопрос занимает общественное внимание и теперь.

Все это свидетельствует о чрезвычайном интересе к поставленной проблеме. Оно и понятно, разве можно пройти мимо той широкой практики насилия, проявлявшейся во время революции в самых различных формах, как в России, так и в Германии: интерес к поставленной проблеме обуславливается ещё тем обстоятельством, что насилие во всех его возможных и мыслимых формах, осуществлялось и продолжает осуществляться социалистами во имя достижения священной идеи социализма, носителями ко-

торой являются все передовые элементы современного общества.

То разительное противоречие, которое обнаружилось во время только что минувших революций, между целью и средствами, методами осуществления, якобы вытекающими из самой цели, поставив под сомнение моральные основы социализма. Если бы не это, то, надо думать, что проблема насилия в революции не интересовала бы в такой мере, в какой она интересует сейчас все мыслящие элементы.

Да, можно смело утверждать, что современные революции поставили под сомнение моральные устои, если не не всего социализма вообще, то его разновидности — государственного социализма. Возникает вопрос: не является ли насилие, в том числе и террор, внутренним содержанием государственного социализма? Не вытекает ли террористическая практика большевиков и немецких социал-демократов с логической неизбежностью из государственного социализма, как только он начинает осуществляться в жизни?

И здесь честный вопрос о насилии разрастается до огромных размеров, до вопроса этики социализма, социалистической нравственности. Мы подходим здесь к той стороне социализма, на которую меньше всего обращалось внимания и к которой придавалось очень малое значение самими социалистами. Здесь кроется величайшая ошибка и величайший грех социалистов, ибо разгул террора в России и Германии (Носке-Шейдеман), есть неизбежное следствие этой печальной ошибки. И сейчас, когда вопросы насилия в революции с особой силой привлекают внимание, когда революционно-социалистическая практика наткнулась на разнообразные формы насилия и скомпрометировала на много лет идею социализма, я с сожалением констатирую, что ни автор

ния Марксовой фразеологией, отошли на лассальянские позиции, позиции демократии, т. е. проделали обратный путь от науки к самой грубой утопии. Демократия ведь не исключает террора и насилия.

Точно также поступает левый эсер И. 3. Штейнберг в «Нравственном лике революции». В процессе своей работы он логически приходил к выводу: «террор тесно, зан (и как причина и как след и централизмом». Но эта мысль настолько его испугала, что он, вместо того, чтобы сделать её центральной, снёс в примечание, убоявшись этой мысли, которая неизбежно, при её логическом развитии, приводит к полному отрицанию основ того социализма, сторонником которого является Штейнберг и громадное большинство передовых элементов. Устранение центральной мысли безнаказанно не прошло ни для Каутского, ни для Штейнберга: они запутались и не открыли истинного источника террора и насилия.

упомянутой книги, ни его оппоненты на одном из его докладов в Берлине, в их числе и В.М. Чернов, ни Каутский, который ещё раньше поднял этот вопрос в своей книге о «Терроризме и коммунизме», не поднялись на настоящую высоту вопроса, а отделяются мелочами или просто смазывают вопрос и переносят его в плоскость отдельных частных вопросов, как террор, порицая его, но не ставя его в связь с общей системой нравственной философии социализма.

Ведь проблема насилия в революции есть вопрос практической нравственной философии, а если так, то вполне естественно, их нельзя рассматривать отдельно вне связи с теоретической нравственной философией. Прежде чем говорить о насилии, оправдывать его целиком или частично, или совершенно отрицать, необходимо установить на научном базисе ос новные моральные максимы, т. е. необходимо создать новую систему нравственности, той нравственности, которой проникнут социализм, но для которой он ещё не выработал системы. Потребность в выработке новой естественно-научной революционной системы нравственности, отличной от современной системы буржуазной нравственности, основанной на управлении и эксплуатации, отличной от системы Гоббса, по которой борьба всех — закон природы и где «человек человеку — волк», а также отличной от этики Канта и Ницше, между которыми бьётся современная мысль, чувствовалось давно, сожалению, очень немногими социалистами. Эта потребность чувствовалась Бакуниным, после поражения Коммуны, но болезнь, а затем смерть не позволили ему заняться специально этим вопросом. Тем не менее свою работу «Кнуто-Германская империя» он в значительной мере посвятил вопросам нравственности, о чём он сам говорит в тексте этой книги. Затем эту потребность чувствовал Кропоткин. В письме к Атабекяну (2-5—20 г.) он

пишет: «Я взялся за этику, потому что считаю эту работу безусловно необходимой»... «в такой разработке, теперь, когда люди бьются между Ницше и Кантом, т. е. между Ницше и христианством, надобность чувствуется неотложная».

Вот этой-то неотложной надобности, к сожалению, не чувствуется ни в последних работах Каутского, ни у его оппонента Троцкого, ни у Штейнберга, ни у его оппонентов. Нет, пожалуй, эта потребность чувствуется, но у всех этих лиц не достаёт мужества развернуть этот вопрос во всю его широту, отсутствует мужество, которое вселило бы твёрдую решимость, начать переоценку моральных основ социализма, главным образом государе государственного социализма...

«Отмена смертной казни была для каждого социалиста само собою разумеющимся требованием».

«Современная революция сопровождается, однако, самым кровавым террором, проводимым в жизнь социалистическими правительствами. Большевики первыми стали применять террор, за что подверглись самому резкому осуждению со стороны всех социалистов, стоявших на антибольшевистской платформе, - в том числе так-же со стороны германской соц.-дем. партии большинства. Но как только последняя почуяла угрозу своему господствующему положению, она немедленно прибегла к тем же методам террора и насилия, за которые так недавно клеймила большевиков. Носке смело пошёл по стопам Троцкого, с той только разницей, что он свою собственную диктатуру не считает диктатурой пролетариата. Но оба они оправдывают свой кровавый режим правом революции». — Читая эти строки Каутского, возникает вопрос: почему так случилось? Случайность это или неизбежное развитие внутренней логики государственного социализма? Насилие и террор не свойственны ли гос. социализму? Такие

вопросы сейчас встают перед многими. Они не могли не встать и перед Каутским, но Каутский обошёл эти вопросы, которые колеблют нравственные устои гос. соц. и решил искать объяснение террора вне связи с моральной философией социализма: не в нём, а в причинах, лежащих вне его. Объясняя террор Французской Революции, он утверждает, что его причины лежат в несоответствии политической власти пролетариата с экономическими условиями, те же причины террора он видит в России. Ибо это несоответствие, влечёт сильнейшую политическую централизацию, т. е. диктатуру.

А отсюда, вполне естественно и логично вытекают все те методы, которые практикуют большевики. Здесь Каутский нащупал верный источник террора. Таким источником безусловно является принцип централизма. И когда он упрекает якобинцев 1871 г. такими словами: «Они забывали, что Парижская Коммуна 1793 г., благодаря господствовавшей в ней централизации власти, подготовила почву для Наполеоновской империи. Они ожидали полнейшего благополучия от Комитета Спасения, снабжённого диктаторскими полномочиями»..., то можно было бы думать, что здесь Каутский постарается выяснить связь и зависимость террора от централизма и тем самым, найдя, что такая связь действительно существует, осудит один из крупнейших элементов государственного социализма, порождающий террористическую вакханалию. Но Каутский, по вполне понятным причинам, убоился этого и он неожиданно делает вывод, достойный глубокого сожаления: «Единственный путь избежать насилия и придти к спокойному, положительному труду даёт демократия». Таким образом, Каутский, а в последствии Гамбургский съезд, вместо того чтобы развернуть вопрос во всем объёме и бесстрашно его рассмотреть в общей связи с моральными устоями социализма, уклонился от его решения и, прикрывая отступле-